

УДК 343.85
ББК 67.515

В.И. Плохова
*доктор юридических наук, профессор,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Российская Федерация*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМЫ В УК РФ

На основе анализа современной литературы по конституционному, международному и европейскому праву о разновидностях международных норм, а отсюда и о разном механизме их реализации в правовой системе России в статье показаны особенности «вживления» в нормы УК РФ, в его толкование и применение конституционных, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, обнажены проблемы, требующие немедленного исследования. При этом использованы положения трех постановлений Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П, практика Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, касающихся рассматриваемых вопросов. Следовательно, международные нормы должны найти отражение в Концепции развития уголовного закона (уголовно-правовой политике), учитываться при криминализации деяний, закреплении признаков состава преступления, его толковании и применении. К общепризнанным принципам международного права относят основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. В связи с этим необходимо скорректировать алгоритм квалификации преступлений, вводя в него конституционный и международный компонент.

Ключевые слова: уголовный закон; взаимодействие норм международного, конституционного и уголовного права; конституционализация уголовного закона.

V.I. Plohova
*Doctor of Law, Professor,
Altai State University,
Barnaul, Russian Federation*

CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL RULES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The author provides aspects of constitutional and international generally accepted principles and rules, international treaties' introduction to the Criminal Code of the Russian Federation. The article reveals related problems that need to be studied soon. The abovementioned aspects and problems are provided basing on analysis of new literature about constitutional, international and European law on different types of international law and therefore their realization mechanism differences. The author uses statements of three Enactments of Plenum of Supreme Court of Russian Federation dated 27-P dated 06.12.2013, Constitutional Court of the Russian Federation practice and European Court of Human Rights' practice. Therefore international rules have to be considered in Criminal law development Concept (Criminal legal policy development concept), deeds criminalization, essential crime element's capture in legislation, crime definition and its application. Generally accepted international principles include international law fundamental mandatory provisions accepted by

international community in general. Departure from these provisions is unacceptable. A generally accepted international rule is a maxim of law accepted and recognized by international community in general as legally binding. Thus crimes classification algorithm needs to be improved considering constitutional and international element.

Key words: criminal law; international, constitutional and criminal law counteraction; criminal law constitutionalization.

Актуальность исследования данного вопроса определяется состоявшимся вплетением конституционных и международных норм в нормы уголовного права, их новизной и некоторой неопределенностью для правоприменителя, недостаточным вниманием к этой проблеме представителей уголовного права. Данные вопросы активно исследуются в основном применительно к процессуальным нормам. В ч. 2 ст. 1 УК РФ отмечается, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». В ст. 15 Конституции РФ (гл. 1) в качестве одной из основ конституционного строя закрепляется высшая юридическая сила, прямое действие Конституции РФ и ее применение на всей территории страны. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В современных исследованиях по международному, европейскому праву, теории права отмечается, что основным дискуссионным вопросом является статус международных норм в национальной юрисдикции: часть права, законодательства, правовой системы России. Дискуссионность этого вопроса предопределила, на наш взгляд, неоднозначное определение понятия правовой системы, общепризнанных принципов и норм международного права в соотношении с международным договором и др. [3]. Конституция РФ, постановления Конституционного Суда (КС) РФ, Пленума Верховного Суда (ВС) РФ однозначно определяют их место – составная часть правовой системы России. Понятие правовой системы РФ трактуется по-разному, рассматривается в статике и динамике. С.Ю. Марочкин определяет правовую систему России с учетом современных процессов интеграции

норм международного права в национальную правовую систему, ст. 2 Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., в соответствии с которой правовая система страны включает национальное законодательство, судебные прецеденты, обычаи, нормы международного права, относящиеся к данному государству, правоприменительную практику; конечно, составляющие правовой системы зависят от особенностей семьи, к которой относится национальная правовая система. Следовательно, правовая система – это «...комплекс всех явлений правовой действительности не только внутригосударственных, но и связанных с международным правом». Она включает в себя правовые нормы (право России, а также нормы международного права и иностранного права с санкции государства), правовую действительность (деятельность всех органов, учреждений иных субъектов по созданию и (или) реализации действующих в стране правовых норм) и правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины (правосознание в широком смысле).

По сути, об этих составляющих правовой системы, кроме доктрины (объясняется статусом этого документа), говорится в Постановлении Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (с изменениями от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [5]. В нем отмечается, что согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Исходя из этого, а также из положений ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека, согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации, являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законода-

тельной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Следовательно, международные нормы должны найти отражение в Концепции развития уголовного закона (уголовно-правовой политике), учитываться при криминализации деяний, закреплении признаков состава преступления, его толковании и применении. В связи с этим необходимо скорректировать алгоритм квалификации преступлений, вводя в него конституционный и международный компонент.

В российском праве нет ни перечня, ни критериев для определения общепризнанных принципов и норм международного права, ни соотношения их с международным договором. Верховный Суд РФ предпринимал попытку определить каждое из них, но в общей форме. В названном Постановлении Пленума ВС РФ к общепризнанным принципам международного права относятся основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений (п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г.). К основным документам ООН относятся, например, подписанные Россией Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и Протоколы № 1, 4, 6, 7, 12 к ней. Из данного разъяснения Пленума ВС РФ можно предположить, что это правила и нормы международного права, признанные международным сообществом, договорные с конкретным государством нормы. Несмотря на то что четкости в рассматриваемом вопросе не намного прибавилось, однако, возможно, именно это Постановление Пленума ВС РФ послужило толчком для частого, по мнению некоторых международников, даже смелого использования общепризнанных принципов и норм для правовой аргументации. Содержание общепризнанных принципов и норм

международного права правоприменители берут из документов ООН, из международных договоров (в качестве общепризнанных принципов используется Всеобщая декларация прав человека, несмотря на ее рекомендательный характер (по утверждению международников, это обычное право, но действительно общепризнанное)), из решений КС РФ и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ).

Юрисдикция ЕСПЧ признана Россией уже после принятия Конституции РФ с вступлением в Совет Европы. Но суды чаще всего используют правовые позиции ЕСПЧ (их называют в литературе толковательным прецедентом), что доказывает, что правовая система России включает и международную составляющую в плане толкования и применения, например, положений ЕКПЧ и Протоколов к ней. Об этом свидетельствуют постановления КС РФ, постановления Пленума ВС РФ. В них толкование конвенционных положений ЕСПЧ отнесено к составной части российской правовой системы. В п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» утверждается, что Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда оно имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»).

Кроме общепризнанных принципов и норм международного права, Конституция РФ называет в качестве составляющих правовой системы международные договоры, т.е. источники международного права, действующего в РФ. Более того, в ней прописано, что «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Законодатель и Верховный Суд РФ в 2012–2013 гг. уточнили некоторые положения в отношении международных договоров, внося изменения и в Федеральный закон «О международных договорах РФ», и в Постановление Пленума ВС 2003 г. Международные договоры могут быть любого уровня, но ратифицированные, опубликованные. Все такие международные договоры являются составной частью правовой системы России. Но не все они, даже в форме закона, обладают приоритетом перед любым национальным законом, о чем свидетельствует системное восприятие конституционных норм, Постановление КС РФ 2013 г., Постановление Пленума ВС РФ 2013 г., Венская конвенция о праве международных договоров. Во-первых, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, международным договором не могут быть установлены иные правила, чем предусмотрено Конституцией. «Даже Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (ст. 27, 46), – утверждает С.Ю. Марочкин, – позволяет государству ссылаться на норму внутреннего права особо важного значения, касающуюся компетенции заключать договоры, в качестве оправдания для невыполнения договора и как на основание недействительности согласия государства» [3, с. 108].

Вопрос о верховенстве Основного закона РФ в последнее время особенно актуален в связи с 20-летием Конституции РФ, а также в связи с соперничеством правовых систем мира. Проблема, когда нормы национального законодательства, по мнению Европейского Суда, признаны недостаточно обоснованно ущемляющими права гражданина, когда Конституционный Суд РФ признал эти нормы соответствующими Конституции РФ, корректно, обоснованно разрешена в Постановлении КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П. Конституционный Суд, подчеркивая особенности национального процессуального законодательства (суд общей юрисдикции подчиняется только Конституции РФ и закону, у него есть полномочие обратиться в КС РФ даже в случае признания Конституционным Судом недопустимости запроса), в пп. 3.1, 3.2 Постановления обосновал верховенство Конституции РФ и предложил возможную защиту права человека. «Статус Конституционного Суда не предусматривает обжалование принимаемых им решений, поскольку иное не соответствовало

бы его природе как органа конституционного контроля». Но это не исключает обращения в КС РФ в надлежащей процедуре любого из управомоченных на то субъектов, включая суды общей юрисдикции, с требованием проверить конституционность тех же законоположений. «В таких случаях тот факт, что ранее Конституционный Суд признал жалобу гражданина не отвечающей критерию допустимости в связи с отсутствием нарушения его конституционных прав законоположениями, примененными в его конкретном деле, не может служить препятствием для принятия им к рассмотрению запроса суда общей юрисдикции, который по заявлению того же гражданина осуществляет в порядке п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ пересмотр вступившего в силу судебного постановления, основанного на этих законоположениях, которым ЕСПЧ была дана оценка как влекущих нарушение Конвенции о защите прав и основных свобод человека. При этом, если в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции РФ, Конституционный Суд РФ... в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления ЕСПЧ». Таким образом, в Постановлении КС РФ предложен процессуальный порядок разрешения коллизии между Постановлением КС РФ и Постановлением ЕСПЧ и продемонстрировано верховенство Конституции РФ.

Во-первых, что касается обыкновенного федерального закона, не конституционного, то судебная практика приоритет отдает международным договорам, ссылаясь на конституционную норму. Но, во-вторых, по Конституции РФ международные договоры обладают приоритетом перед национальным законом при применении. В-третьих, международные договоры Российской Федерации применяются непосредственно в случае противоречия между ними и национальным законом. «Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального за-

кона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти или уполномоченной организацией, заключившими данный договор» (ч. 4 ст. 15, ст. 90, 113 Конституции Российской Федерации, п. 8 Постановления Пленума ВС РФ 2003 г.). В-четвертых, судебная практика последнего десятилетия знает случаи, когда при возникшей коллизии применения норм международного договора и Федерального закона национального государства предпочтение отдается национальной норме (ст. 10 УК РФ), когда она предусматривает лучшие, по сравнению с международными нормами, гарантии защиты прав и основных свобод человека. В Постановлении Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» обращается внимание судов «...на то, что законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней, в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь ст. 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации» (п. 3 Постановления). Нельзя не отметить, что эти правовые позиции ранее были высказаны Конституционным Судом в своих постановлениях по конкретным делам (применительно, например, к ст. 10, 188 УК РФ и др.).

Представляется, что названные особенности применения норм международного права в России, судя по юридической литературе и практике ЕСПЧ, обусловлены их субсидиарным характером. Как утверждают исследователи в области международного, европейского права, «в настоящее время большое значение принцип субсидиарности играет в целом на международном уровне», особенно при защите прав человека. Национальная система защиты прав человека «остаётся основным уровнем защиты прав. Задачей же международного сотрудничества является предоставление только дополнительных средств правовой защиты...». Этот принцип призван защитить права отдельного человека, «государства от произвольного вмешательства в его внутренние дела», обеспечить нормальное функцио-

нирование международного правозащитного механизма [2, с. 27–28].

Кроме того, применение конституционных норм, договоров обусловлено разным их характером: общие, конкретные или в специальной области; улучшающие, ухудшающие регулирование в конкретной области. Нельзя забывать и об особенностях отрасли законодательства, в которой преломляются нормы международного права. Согласно закону, Уголовный кодекс РФ основывается (будто бы совместно не регулирует) на общепризнанных принципах и нормах международного права, не называя международные договоры. Верховенством Конституции решается вопрос: основывается ли УК на положениях международных договоров? Основывается (ст. 15 Конституции РФ). Пленум ВС РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с последующими изменениями) констатирует, что закрепленное в Конституции РФ положение о высшей юридической силе и прямом действии Конституции означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных судебных дел должны руководствоваться Конституцией Российской Федерации; в соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия [1].

Однако нельзя не учитывать, во-первых, особенности уголовного закона: оно деликтное, нет преступления без указания на его признаки в УК. Во-вторых, как конституционные, так и международные нормы разные (имеющие общий характер, действующие в конкретной сфере; самоисполняемые (условно) и др.), особенности каждого их вида предопределяют специфику их реализации (норма – адресат, норма – правоприменительный акт – адресат, норма – конкретизирующий акт – правоприменительный акт – адресат) [3, с. 167]. В-третьих, нормы международного права, как свидетельствует практика КС, исследования других авторов, выполняют

разные функции в правовой системе России: рамки законодателю и правоприменителю, влияющие на подсудность применимого права, средство правовой аргументации, критерий теории толкования законов, непосредственное основание и часть решения по делу. Поэтому возникает много проблем с «вживлением» норм международного права в УК. Ориентиры по некоторым из них дают три названные постановления Пленума ВС РФ.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию РФ в следующих случаях: а) когда закрепленные нормой Конституции РФ положения исходя из ее смысла не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения; б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, противоречит ей; в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции; г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции Российской Федерации, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует [1]. Н.И. Пикуров счел возможным свести эти четыре положения к двум основным случаям непосредственного применения норм Конституции:

– когда ее нормы содержат достаточно определенное правовое предписание, не требующее обязательной детализации с помощью иных нормативных актов;

– когда подлежащий применению федеральный закон или иной нормативный акт вступает в очевидное противоречие с предписаниями Конституции РФ.

Непосредственно, по его мнению, могут применяться те конституционные нормы, ко-

торые формулируют изъятие из общего запрета или предусматривают ограничение пределов и форм уголовной репрессии [6, с. 85]. К ним относятся, например, ч. 3 ст. 15, ст. 55 Конституции РФ и др. Первое его положение (достаточно определенное правовое предписание) следовало бы дополнить словами «или общее». Сказать, что положения ст. 55 Конституции РФ о возможном законном ограничении прав человека нормами уголовного права являются достаточно определенными, не представляется возможным. Эта правовая категория криминалистами глубоко и всесторонне не изучается. Имеющиеся общетеоретические исследования этого вопроса не решают многие проблемы ограничения прав человека нормами уголовного права. Слишком много оценочных терминов используют и международные нормы, и Конституция РФ, да и Постановление Пленума ВС РФ 2013 г., называя законные основания ограничения прав человека.

Соотношение международных договоров с национальным законодательством, в отличие от общепризнанных принципов и норм международного права, носит, как было показано в юридической литературе, более сложный характер. Согласно п. 6 Постановления Пленума ВС РФ 2003 г., «...международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.).

Исходя из ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами РФ в тех случаях, когда норма УК РФ

прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, ст. 355, 356 УК РФ). В следующем пункте Постановления Пленума ВС РФ называется ст. 11 УК РФ, в которой в общем виде указывается необходимость применять нормы международного права. Представляется, что нормы международного права следует применять при любой международной бланкетности, а не только в случае прямого указания в норме УК.

О необходимости руководствоваться при рассмотрении дел о преступлении нормами не только национального, но и международного права свидетельствуют постановления Пленума ВС РФ по отдельным группам преступлений. В одних – при характеристике предмета преступления, в других – субъекта преступления и т.д. В некоторых говорится о приоритете применения норм международного договора над законом РФ. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» отмечается, что «в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ч. 2, 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», судам при разрешении вопроса о том, имело ли место нарушение изобретательских и патентных прав либо незаконное использование товарного знака, надлежит иметь в виду, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Не представляется возможным определить признаки иностранного должностного лица и должностного лица публичной международной организации как субъекта некоторых должностных преступлений без обращения к международным договорам. Постановление Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» рекомендует относить к ним лиц, признаваемых таковыми международными договорами Российской Федерации в области противодействия коррупции. Но в разных международных договорах

они определяются по-разному: в одном узко, в другом широко. Нет четкости в уголовно-правовой литературе по поводу понятий частного и публичного, о соотношении понятия должностного лица с нормами международных договоров, национальным законодательством других государств.

Не очень помогли выправить ситуацию установление оперативного контроля (до включения в список) над веществами, обладающими признаками наркотических средств, психотропных веществ (международные нормы это допускают), рекомендации высшей судебной инстанции России, данные п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», о необходимости применения наряду с законодательством РФ и международных договоров. Эту задачу российский законодатель пытался решить, введя в норму о незаконном обороте наркотических и других веществ термин «аналог». Однако предложенное в Федеральном законе РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» понятие аналога, с одной стороны, не содержит всех признаков, названных в международных договорах, с другой – требует определения этого понятия химиками и биомедиками, некоторые из признаков труднодоказуемы [4]. Во-первых, в определении понятия «аналог» («...химическая структура и свойства которого сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят») слово «сходны» употребляется не в значении тождества, а в значении похожести (одинакового строения не может быть, утверждают химики). Во-вторых, поскольку химические свойства аналога не тождественны свойствам прототипа, а сходны с ними, постольку действие аналога на организм человека может существенно отличаться от действия наркотика. В связи с этим возможны две ситуации: 1) когда аналоги имеют сходное химическое строение (даже общий фрагмент молекулы, ответственный за их действие на организм), но разные функциональные группы, определяющие их различные физические и химические свойства, при этом их действие

на организм похоже на действие прототипа; 2) когда аналог и прототип имеют сходное химическое строение и сходные химические свойства, но аналог проявляет отличный от прототипа психический или наркотический эффект или этот эффект вообще отсутствует. Отсюда возникает необходимость доказывать медицинский признак (биомедицина) – психоактивное действие на организм человека, сходное с действием наркотического средства. Но где и как это сходство доказывать? В Пермском крае ставят эксперимент на животных. Возможно обследование лиц, употребляющих такие вещества, попавших в больницы, но на каком основании? Следовательно, нужны специальные центры (лаборатории) по исследованию действия вещества на организм человека.

Конвенционные нормы, не используя термин «аналог», называют признаки веществ, оборот которых может контролироваться временно в том или ином государстве до внесения в список. Если Всемирная организация здравоохранения считает, что данное вещество обладает способностью: 1) вызывать состояние зависимости и 2) оказывать стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему, вызывая галлюцинации или нарушения моторной функции, либо мышление, либо поведение, либо восприятие, либо настроение или 3) приводить к аналогичному злоупотреблению и аналогичным вредным последствиям, что и какое-либо вещество, включенное в Список № 1, 2, 3 или 4, и что есть достаточные свидетельства того, что имеет место злоупотребление данным веществом, или существует вероятность такого злоупотребления, которое представляет или может представлять собой проблему для здоровья населения и социальную проблему, дающие основания для применения к этому веществу мер международного контроля, следовательно, такие вещества должны обладать, кроме названных в федеральном законе при-

знаков аналога, социальным признаком (степень распространенности злоупотреблений). Доказательством служит проводимый в стране мониторинг сложившейся ситуации по употреблению такого вещества.

Как международные, так и нормативные акты России называют в качестве предмета рассматриваемой группы преступлений изомеры наркотических средств, которые не являются ни аналогами, ни наркотическими средствами. Изомеры ближе к наркотическим средствам, чем аналоги к ним. В обозначенных ситуациях при конкуренции норм национального и международного права, видимо, также следует руководствоваться принципом наибольших возможностей для эффективной защиты тех общественных отношений, которые охраняются конкретной группой норм уголовного права, например здоровья населения. Но не пострадает ли принцип определенности нормы, законности? Следовательно, даже рекомендации высшего судебного органа России не гарантируют адекватного применения международных норм, договоров. Отчасти это связано с особенностями норм уголовного права, новизной возникающих проблем, недостатком теоретических исследований, сложностью проблемы.

Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на то что многое сделано исследователями европейского, международного права в исследовании проблем трансформации норм международного права в правовую систему страны, имеются нерешенные как общие вопросы, так и вопросы применительно к отдельным отраслям законодательства. В связи с этим для начала необходимо систематизировать правовые позиции КС РФ для формулирования перечня общепризнанных принципов, норм международного права, обобщить позиции КС и Пленума ВС РФ об использовании в уголовной теории и на практике общих конституционных, международных норм и международных договоров.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 5.
2. Липкина Н.Н. Правовые позиции ЕСПЧ относительно усмотрения государства при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Липкина. – М., 2008. – 225 с.
3. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации / С.Ю. Марочкин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 288 с.
4. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.01.1998 г. № 3. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154942.

5. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21. – Режим доступа: <http://www.supcourt.ru>.
6. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава / Н.И. Пикуров. – М., 2009. – 285 с.

REFERENCES

1. Bulleten' Verhovnogo Suda RF – Supreme court of Russia Bulletin, 2007, no. 5.
2. Lipkina N.N. European Court of Human Rights' legal opinion on governmental discretion in terms of violation of fundamental rights and freedoms. Dissertation. [Lipkina N.N. Pravovye pozicii ESPCh otnositel'no usmotreniya gosudarstva pri osushchestvlenii vmeshatel'stva v prava i osnovnye svobody : dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2008, 225 p.
3. Marochkin S.Ju. International law norms' effect and realization within Russian law system. [Marochkin S.Ju. Dejstvie i realizacija norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii]. Moscow, 2011, 288 p.
4. Federal Law No. 3-FZ of the Russian Federation on narcotic drugs and psychotropic substances dated 8 Jan 1998. [O narkoticheskikh sredstvax i psihotropnyh veshhestvax: feder. zakon ot 08.01.1998 g. № 3]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
5. Enactment of Plenum of Supreme Court of Russia on regular courts' application of Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and related protocols No. 21 dated 27.06.2013 [O primenenii sudami obshhej jurisdikcii Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ot 4 nojabrja 1950 goda i Protokolov k nej: postanovlenie Plenuma Verhov. Suda RF ot 27.06.2013 g. № 21, Available at: <http://www.supcourt.ru>.
6. Pikurov N.I. Classification of crimes with blanket essential elements of offense. [Pikurov N.I. Kvalifikacija prestuplenij s blanketnymi priznakami sostava]. Moscow, 2009, 285 p.

Сведения об авторе

Плохова Валентина Ивановна – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: VPlohova@yandex.ru.

Information about author

Plohova Valentina Ivanovna – Head of Chair of criminal law and criminology of Altai State University, Doctor of Law, Professor, Barnaul, Russian Federation; e-mail: VPlohova@yandex.ru.